

ВРЕМЯ. ХУДОЖНИК. ТВОРЧЕСТВО

Вопрос остаётся открытым

В начале нынешнего сезона в Молодежный театр пришел новый главный режиссер — Ефим Михайлович Падве. За это время он поставил три спектакля: «Вечер», «Звучала музыка в саду», «Пять углов». Театр меняет свое лицо, у него появляется новый зритель. Предлагаем вашему вниманию статью Е. Падве, в которой он размышляет о судьбе Молодежного театра.

Сегодня у Молодежного театра еще нет своего зрителя. Да и что значит — свой зритель? Какой он? Должен ли он быть сугубо молодежным или в зале должны быть люди разных поколений?

Я думаю об этом и невольно обращаюсь ко времени, когда мне было 20 лет. Театром, который воспитал мои театральные вкусы, да и не только мои, в театральную эстетику целого поколения ленинградцев 60-х годов, был Большой драматический театр имени М. Горького. Этот театр никогда не предназначался молодежи. Но именно молодежи моментально откликнулся на его острую гражданственность и новую, живую театральную правду.

Если аудитория театра приближается к молодежной — это хороший признак. Пусть иногда она чересчур темпераментно принимает то, что просто модно или даже поверхностно. Но зато молодежь также решительно перестает ходить туда, где штампы и декларации подменили живой поиск и живую идею.

Конечно же, аудиторию Молодежного театра должна определять молодежь. Но если он поистине интересен и прогрессивен, то привлечет внимание всех, кто любит театр, даже скептиков и театральных снобов.

Прошлой осенью я посмотрел на сцене Вильнюсского молодежного театра рок-оперу «Ромео и Джульетта» в постановке Э. Некрошюса. Поскольку я сам тогда только принял художественное руководство Молодежным театром, мой интерес к спектаклю был закономерен. Это был подлинно шекспировский, эмоциональный театр. Спектакль высочайшей культуры.

Почему бы и нам не учитывать того, что современная

молодежь очень музыкальна? Почему бы не воспользоваться музыкальной эстетикой, если она позволяет с серьезностью и глубиной поднять высокие общечеловеческие проблемы и идеи?

Поездка в Вильнюс не прошла бесследно, сейчас релетируем рок-оперу по «Сирано де Бержераку» Э. Ростана. Не знаю, что из этого получится. Но то, что нравственный подвиг и бескомпромиссность всей жизни прекрасного поэта, дуэлянта, Дон-Кихота — Сирано нужны сегодня, интересны и глубоко волнуют, в этом мы уверены.

Однако первым, определившим идейно-художественную программу, стал другой спектакль — «Вечер» А. Дударсена. Пьеса написана в традиционной эстетике. И героям не по 20, а по 80 лет. И действие происходит не в Париже, как у Ростана, а в бесперспективной деревне Вешки. Но борьба за торжество справедливости, добра, веры, любви, бескомпромиссности здесь не меньше. За героями пьесы встают все веки, через которые прошли поколения наших отцов и дедов на пути строительства Советского государства. Они были счастливы. И глубоко страдали. И сегодня тоже и любят, и страдают. И потери велики и невозместимы. Они уходят из жизни. Уходят, зная цену добру и миру на земле, надеясь, что это главное сумеют отстоять их дети и внуки.

Вторым спектаклем, который родился внутри нашего коллектива и был как бы предложен самой географией и историей Измайловского сада, стал спектакль «Звучала музыка в саду». Я не могу назвать его дальше молодому жару музыкальных спектаклей в стиле ретро. На территории Измайловского сада

когда-то действительно был Театр-буфф, и действительно существовал ресторан с развлекательной программой варьете. Но надо было создать не просто концерт — драматический спектакль. Так у нас возникли гриммерки и кулисы. Параллельно с развлекательным представлением ни на минуту не прекращается жизнь «за кулисами». Зрители видят, как артисты гримируются, готовятся к номеру, шутят, отдыхают. Большая эстрада — и русская, и советская — всегда была и социальна, и конфликтна. Поэтому в развлекательные номера все время врезаются мотивы драматические философские...

«Театр начинается с вешалки», — сказал когда-то К. С Станиславский. Наша театральная жизнь как будто бы опровергает этот тезис великого реформатора сцены. Недавно несколько актеров московского театра «Современник», стоявших некогда у его истоков, с грустью размышляли о том, что переезд театра из ветхого помещения на площади Маяковского, где был маленький гардероб и вешалки по два пальца на один номер, в роскошное здание на Чистых Прудах не повлек за собой новый зрительский интерес, не поднял театр на новую ступень... Конечно же, говоря о «вешалке», Станиславский имел в виду культуру репертуара, его цельность и современную содержательность, культуру режиссерского и актерского поиска, моральный климат, как теперь принято говорить.

Что же делать? Как же быть? Сколько лет может понадобиться, чтобы достичь такой культуры, которая будет ощущаться уже в гардеробе независимо от его величины и полировки? И вдруг оказывается — для этого совсем не обязательны десятилетия. Театры, обретая высокую культуру и открывая свои традиции, попадают одновременно во власть штампов и той «справды», которая не может быть «установленной раз и навсегда», как очень точно заметил в книге «Пустое пространство» Питер Брук. Театральная правда всегда в движении. Удастся ли Молодежному театру, опираясь на опыт и традиции, не попасть во власть штампов (чужих да и своих собственных)? Удастся ли создать живой театральный организм со своей индивидуальностью, со своими эстетическими и нравственными критериями? Вопрос остается открытым!

Е. ПАДВЕ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР